

Е. В. Тарасова
г. Минск, Беларусь

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА РАССКАЗА А. БИРСА «ПРОКЛЯТАЯ ТВАРЬ»

Загадочная невидимость в художественной литературе присутствует с древних времен. Некоторые самые ранние упоминания о ней наблюдаются в греческой и римской мифологиях, например, «Кольцо Гига», о котором пишет Платон в диалоге «Государство», посвященном проблеме идеальной державы. Пастух обнаруживает некое кольцо невидимости, которое он использует, чтобы соблазнить королеву Лидии и убить короля. Дар невидимости в данном случае способен возвысить пастуха до короля и вызывает ужас от того, что даже у короля нет защиты от человека-невидимки.

Шлем, надев который человек становится невидимым, представлен и в мифе о Персее. Персей после убийства горгоны Медузы смог скрыться от преследования с помощью шлема.

В эпоху Нового времени идея колец, шапок или плащей-невидимок нашла свое отражение в европейских сказках. «Двенадцать танцующих принцесс» – сказка братьев Гримм о том, как двенадцати принцессам удавалось ускользать из своего замка, чтобы танцевать всю ночь напролет. Отец принцесс, обеспокоенный стоимостью покупки им новой обуви, обещает вознаградить любого мужчину, который сможет раскрыть их секрет: первый, кто добьется успеха, получит в жены одну из дочерей, а тот, кто потерпит неудачу, будет казнен. Тайну принцесс раскрывает умудренный жизненным опытом солдат, которому переодетая волшебница дарит волшебный плащ. Мужчина, будучи невидимым, шпионит за принцессами и к удовольствию короля раскрывает их секреты.

Невидимое Кольцо Всевластия, дающее огромную власть своему обладателю, представлено в романе-эпопее английского писателя Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» и в повести «Хоббит, или Туда и Обратно». Однако невидимость является не только предметом волшебных и фантастических историй, но и литературы ужасов.

Фитц-Джеймс О'Брайен (1828–1862), американский журналист ирландского происхождения, драматург и прозаик, чьи психологически тонкие рассказы о лженауке и сверхъестественном сделали его одним из предшественников современной научной фантастики, написал рассказ «Что это было?» (*What Was It?* 1859), в котором человек засыпает на своей кровати, а в это время невидимое существо приземляется на него сверху. Он борется с непрошеным гостем, на помощь мужчине приходят друзья, которые зажигают свет и ничего не обнаруживают. Тем не менее друзья понимают, что герой что-то держит. Они в ужасе привязывают это нечто к кровати и ждут, пока оно сдастся. В конце концов невидимого зверя усыпляют, и когда с его тела делают гипсовый слепок, открывается лик неземного монстра.

Французский писатель Ги де Мопассан написал похожую историю «Орля» (1887) о невидимом сверхъестественном существе, которое впивается

в несчастного человека и своей вампирской силой высасывает из него энергию, оставаясь при этом незамеченным. Герой находится на грани безумия и совершает поджог в отчаянной попытке освободиться от врага, которого не видит.

В рассказе «Проклятая тварь» (1893) американский писатель А. Бирс (1842–1914?) отображает этот страх перед невидимым и направляет его на нечто совершенно неизвестное и чуждое человеку. Бирсовский призрак, как и невидимые существа О’Брайена и Мопассана, – потусторонний хищник, вторгающийся в реальный мир человека без единого слова объяснения.

А. Бирс довольно часто во многих своих историях использует тезис ограниченности человеческого знания, чтобы вызвать ужас. «Будучи опытным журналистом и литератором, Бирс нередко создавал жанровые шаблоны, облегчая себе творческий труд. В композиции его психологической и военной новеллы легко просматривается четырехчастная форма: экспозиция, где обозначено место и время действия и самая суть конфликта, ретроспекция, которая содержит объяснение и завязку действия, третью часть составляет драматическая коллизия, развернутая в одном-двух эпизодах, в ней конфликт достигает своей кульминации, после чего следует ударная концовка, нередко двойная, когда друг за другом идут ложный и истинный или же оттянутый финал. Многие его рассказы просто делятся на четыре главки», – отмечает исследователь П. В. Балдицын [1]. Рассказ «Проклятая тварь» не является в этом отношении исключением, он состоит из четырех небольших частей, каждая из них имеет свойственные А. Бирсу саркастические подзаголовки: «Не все, что на столе, можно есть» – это не обеденный стол с трапезой, а труп на столе следователя; «И обнаженный человек может быть в лохмотьях» – речь идет о трупе, истерзанном в клочья. В первой части рассказа писатель знакомит нас с действующими лицами, он четко и скрупулезно как стенографист в зале суда фиксирует все происходящее в комнате.

Писатель начинает рассказ ужасной сценой: где-то в темной комнате в горах Америки следователь стоит над мертвым телом на столе. Другие мужчины спокойно выстроились вдоль стен. Эти люди – присяжные, ожидающие подозреваемого в убийстве человека. А. Бирс разыгрывает жуткую драму в комнате суда, где лежит тело покойного. Ситуация принимает зловещий и интригующий вид. Присутствие следователя на слушании по выяснению причины смерти Моргана предполагает, что с человеком случилось что-то непонятное: *Семеро из них сидели вдоль неотесанных бревенчатых стен, молча, не шевелясь, почти у самого стола, и, так как комната была небольшая, протянув руку, они могли бы дотянуться до восьмого, который лежал на столе, навзничь, полуприкрытый простыней, с вытянутыми вдоль тела руками* [2, с. 263].

Писатель, ставя этих представителей закона в такую близость к смерти, не упускает возможность социальной критики. Цивилизованные присяжные в глухой местности, где они близки к дикой природе и где законы человеческого общества бессильны, должны выполнить свои обязанности без комфортного зала суда и мало-мальски цивилизованной инфраструктуры.

А. Бирс противопоставляет «комфарту» внутри хижины обстановку за ее стенами: *Снаружи из ночного мрака, через служившее окном отверстие, доносились волнующие ночные звуки пустыни: протяжный, на одной неопределенной ноте, вой далекого койота; тихо вибрирующее стрекотанье неугомонных цикад в листве деревьев; странные крики ночных птиц, столь не похожие на крики дневных; гуденье больших суетливых жуков и весь тот таинственный хор звуков, настолько незаметных, что, когда они внезапно умолкают, словно от смущения, кажется, что их почти и не было слышно. Но никто из присутствующих не замечал этого: им не свойственно было праздное любопытство к тому, что не имело практического значения; это ясно было из каждой черточки их суровых лиц – ясно даже при тускло горевшей одинокой свече* [2, с. 263]. Это описание ночной природы усиливает изоляцию мужчин. А. Бирс играет на контрасте между «цивилизованным» офисом-комнатой, где находятся следователь и присяжные, и ночной дикой природой снаружи. Кроме того, А. Бирс резко усиливает этот контраст непониманием мужчинами их нынешнего положения. Вопросы, не имеющие практического значения, не интересуют этих людей, таким образом А. Бирс критикует политику правительства об экспансии на запад и потребительское отношение к природе и людям.

Наконец прибывает 27-летний герой-писатель. Из разговора следует, что писатель был рядом с покойным, когда тот умер. Он пришел понаблюдать за еще живым человеком, так как полагал, что из него получится хороший персонаж для рассказа.

Следователь не верит ни одному слову писателя об обстоятельствах смерти, вероятно прекрасно зная, что у писателей-фантастов хорошее воображение и они могут выдумать, что угодно. Следователь пренебрежительно относится к только что отданному в газету рассказу писателя и надеется, что истинную версию тот расскажет под присягой.

Герой-писатель настаивает на том, что способ смерти *неправдоподобен* [2, с. 264], и читает написанный им рассказ для газеты. Таким образом появляется история со своим рассказчиком внутри другой истории. В газетной статье писатель описывает свою точку зрения на произошедшие события. Итак, А. Бирс сначала познакомил читателя со следователем, вместе с которым предлагается поразмышлять над вопросом, надежный ли свидетель этот писатель.

Во второй части герой-писатель зачитывает свою историю о трагических событиях того дня, и таким образом речевая манера второй части контрастирует со стилем Бирса-автора. Герой-писатель охотился в тот день на перепелов, когда ныне покойный Хью Морган вздрогнул от того, что что-то зашевелилось в кустах. *Проклятая тварь!* [2, с. 266] – были его последние слова.

Хотя герой-автор Уильям Харкер не видел происходящего, он описывает смертельную схватку между Морганом и чем-то, что не различимо человеческим глазом: *Все это, вероятно, длилось лишь несколько секунд, и, однако, Морган за это время успел проделать все движения борца в схватке с противником, превосходящим его весом и силой. Мне виден был только он,*

и то не всегда отчетливо. И до меня непрерывно доносились его крики и проклятья сквозь заглушавший их рев, который звучал злобно и яростно, – мне никогда не приходилось слышать, чтобы такие звуки вырывались из глотки зверя или человека [2, с. 267]. Все, что он слышал герой-писатель, это крик чего-то, что скрывалось в растительности. Что-то невидимое топтало дикий овес и отступало в ближайший лес. Героя-писателя Харкера охватил ужас.

Третья часть повествования начинается со знакомой читателям криминальной сцены описания обнаженного мертвого тела мужчины в хижине, где проходит суд. Повествование вновь ведет беспристрастный сторонний наблюдатель, четко фиксирующий факты. Этому «рассказчику у Бирса совершенно чуждо проявление какой-либо сентиментальности», отмечает П. С. Балашов [3].

Героя-писателя Харкера обвиняют в том, что он – сбежавший из приюта сумасшедший. Харкер видит книгу в руках следователя и отмечает, что это дневник покойного. Он хочет прочитать дневник, полагая, что это поможет, но следователь говорит, что это было написано до смерти и ничего не прояснит в раскрытии мотива убийства. Однако читатель вместе с Харкером знают, что покойник и раньше видел зверя, иначе не воскликнул бы: «Эта проклятая тварь!» Таким построением произведения американский писатель добавляет еще больше интриги в рассказ.

Присяжные склоняются к маловероятному выводу, что это мог быть горный лев, а у умершего был какой-то припадок. Принимая решение о том, что Морган был убит горным львом, они смогут избежать необходимости рассматривать сверхъестественный случай, который может внести беспорядок в их упорядоченное понимание мира и сил, несущих жизнь и смерть.

Четвертая часть рассказа представлена обрывками записей из дневника покойного Хью Моргана, повествование тут ведется от первого лица. Записи Моргана не были удостоены внимания присяжных, чтобы, как отмечает А. Бирс, *не смущать умы присяжных [2, с. 269].* Через дневниковые записи сам покойный обретает голос. Убитый Морган в дневнике описал странное поведение своей собаки. Проклятая тварь оказалась достаточно реальной, так как на столе следователя лежало изуродованное тело. Невидимая сущность способна оставлять следы: ее чувствует собака, слышен ее рык.

Выясняется, что причина, по которой покойный пригласил автора-Харкера в свой дом, заключается именно в том, что тот уравновешен и может трезво оценить состояние Моргана: *Я пригласил Харкера провести у меня несколько недель – у него трезвая голова. По его поведению я узнаю, считает ли он меня сумасшедшим [2, с. 269].* Последняя запись в дневнике говорит о том, что он уже придумал решение своей проблемы, хотя читатель не знает, что это за решение.

Рассказ заканчивается откровением из дневника покойного о том, что он перед смертью обрел обостренные чувства. Остается только гадать, не сошел ли он все-таки с ума. Следует отметить, А. Бирс был поглощен идеей, что люди слепы к научным теориям, что органы чувств человека – *несовершенные инструменты [2, с. 269],* неспособные рассказать об истории Вселенной.

Американский писатель считал, что человечество смыло бы потоком ужаса, если бы мы когда-либо столкнулись с чем-то, что естественным образом бросало бы вызов тому, что мы считаем естественными законами.

В рассказе А. Бирса нет главных героев. Как справедливо отмечает П. В. Балдицын, «Бирс не стремился ко всестороннему показу человека, в его новеллах нет ни развития, ни развертывания характеров. Его герои в сущности – не характеры, а фигуры, все они однотипны» [1]. Единственный человек, который серьезно относится к странной смерти Моргана, – это герой-писатель Харкер, который смотрит на все с юношеским трепетом. У каждого персонажа бирсовской истории есть своя причина быть объектом насмешки: присяжные, выносящие вердикт; следователь, механически выполняющий свои функции в зале суда; писатель Харкер, которого считают сумасшедшим. Исключением является, возможно, сам Морган. А. Бирс представляет умершего как источника чистой информации, а не героя для насмешек. Участников фарсового судебного процесса писатель высмеивает в духе Марка Твена: простые, ограниченные и вульгарные, они не впечатлены тем, что считают сказкой.

Вслед за А. Бирсом тема невидимой сущности нашла отражение в творчестве американского писателя Г. Ф. Лавкрафта (1890–1937). Бирсовские идеи финальной сцены рассказа «Проклятая тварь» получают развитие в отдельных лавкрафтовских рассказах. Писатель считал, что есть вещи за пределами человеческого восприятия, и они ужасны. Чудовища, прибывшие из космоса («Сияние извне»), безымянный монстр, вызванный Рэндольфом Картером («Неименуемое») продолжают тему бирсовского рассказа «Проклятая тварь». Однако Г. Ф. Лавкрафт идет в развитии идеи невидимости своего предшественника дальше, поскольку для А. Бирса сам факт существования вещей за пределами человеческого восприятия уже является открытием.

Невидимая сущность А. Бирса лишь смутно очерчивается, но никогда не объясняется. Это будет характерно для многих произведений ужасов. Рассказ американского писателя не преследовал цель актуализировать научные идеи того времени. Скорее всего он был обеспокоен тем, чего мы не знаем и никогда не сможем узнать о Вселенной, полной ужасающих чудес.

Учитывая специфику бирсовских персонажей и обрисованный им контраст между цивилизованным и диким миром, рассказ «Проклятая тварь» может быть прочитан не только как занимательная и пугающая готическая история, но и как поучительная история об экспансии на запад континента с неизбежным столкновением с его коренными жителями и дикими животными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдицын, П. В. Новеллистика Амброза Бирс [Электронный ресурс] / П. В. Балдицын // История литературы США. Том 4. – Режим доступа: <https://goo.su/YfzxD9w>. – Дата доступа: 25.01.2022
2. Бирс, А. Проклятая тварь / А. Бирс // Может ли это быть? : избр. произведения / А. Бирс. – М., 1995. – С. 263–270.
3. Балашов, П. С. В зеркале фантастики Бирса [Электронный ресурс] / П. С. Балашов // Международный культурный портал Эксперимент. – Режим доступа: <https://goo.su/pdS6On>. – Дата доступа: 25.01.2022.